

Бедняжка, неплохо! Каждый раз стираешь одежду так чисто! — Я как раз собирался пройти флюорографию, когда кто-то неожиданно хлопнул меня по плечу. Обернувшись, я увидел Цзян Сяо. Он был одет в тот самый комплект, который я стирал для него вчера вечером. Боже мой! Значит, вчера он не возвращался в общежитие? Когда же он успел переодеться? — Хочешь знать, почему я заставляю тебя стирать мои вещи?

— Чжоу Юй! — позвал меня врач из кабинета. Я повернулся, чтобы войти, но Цзян Сяо схватил меня за руку: — Потому что стиральная машина портит мою одежду, а ты — нет... — Он рассмеялся, и под этот смех я скрылся в кабинете флюорографии.

— Операция была сделана год или два назад? — внезапно спросила пожилая женщина-врач.

— Какая операция?

— По восстановлению сердца...

— А, в прошлом году весной.

— Где делали?

— В нашем уезде.

— Хм? Не может быть, разве в вашем уезде могут проводить такие операции?

— О, это были специалисты из провинции.

— Понятно. Неудивительно, это самый успешный случай из всех, что я видела. — Врач вдруг улыбнулась. — Тебе повезло, у тебя хорошая судьба.

Когда я уже собирался выйти, она окликнула меня: — Чжоу Юй!

— Да?

— Больше занимайся физическими упражнениями.

— Хорошо.

— Только следи, чтобы нагрузки не были слишком интенсивными: никакого баскетбола, футбола, бега на длинные дистанции и тому подобного.

— Понятно.

— Всё, иди на УЗИ печени и желчного пузыря, выход отсюда — и налево.

— Хорошо. — Под благосклонным взглядом врача я вышел за дверь. Мне хотелось обернуться и посмотреть на неё ещё раз, но следующий студент уже нетерпеливо ворвался в кабинет и захлопнул дверь.

— 107-й класс! Сюда! — непонятно откуда взявшийся классный руководитель, размахивая тощими, как бамбуковые палки, руками и пальцами, похожими на узловатые корни, закричал во весь голос: — Парни — в эту комнату! Девушки — в ту! Живее!

— Уа... — Одноклассники бросились врассыпную. Эта затянувшаяся битва под названием медосмотр лишила всех терпения, каждый мечтал поскорее со всем этим покончить.

— В очередь! В очередь! Не толкаться!

Но слова классного руководителя не возымели никакого действия. От напора толпы сзади я невольно оказался внутри той самой двери, куда разрешалось входить только парням.

— Снимайте обувь и одежду! — холодно бросили два врача средних лет.

— Что это за осмотр такой? Ещё и раздеваться? — Я не успел толком подумать, как прозвучал новый окрик: — Быстрее раздевайтесь! — Ого! Тон сменился на свирепый приказ. Я поспешно начал расстегивать пуговицы на рубашке. Когда я вешал её на вешалку у стены, то внезапно заметил знакомый силуэт — это был Цзян Сяо. Он, казалось, крайне неохотно стянул с себя рубашку и так же неохотно направился к стене. Я поспешил отодвинуться, но он всё равно меня заметил — тряхнул волосами и подмигнул. Тут я увидел, что на его шее что-то блеснуло. Присмотревшись, я понял, что это массивный золотой крестик, такой же ярко-жёлтый, как браслет на его левом запястье.

— Снимайте брюки и нижнее белье!

— Что? — Я чуть не вскрикнул в голос.

— Донага! Вы слышали? Донага! — Я обвел взглядом комнату: никто не раздевался, и, судя по всему, никто не собирался этого делать.

— Не хотите снимать? Тогда сворачивайте матрасы и убирайтесь домой! — Врачи, словно говорили одними устами, хором повторили: — Вы! Все вон! Следующая партия, заходите!

Я снова огляделся — никто не двинулся с места, никто даже не собирался уходить. Видимо, одноклассники всё же очень дорожили этим университетом С. Я тоже не шелохнулся и уж тем более не вышел. Хотя моей целью был Пекинский университет, судьба распорядилась так, что я оказался в университете С, и другого выбора у меня не было. — Плевать! Неужели сложно снять штаны? Вспомнить хотя бы Хань Синя — тот даже унижение ползанием под ногами вытерпел! — Думая об этом, я в два счета остался нагишом, а затем спокойно и хладнокровно повесил штаны и трусы на вешалку у стены.

— Повторяю еще раз! Кто не снимет — вон! — Врачи начали подталкивать тех, кто медлил, к выходу. Мои однокурсники не сговариваясь посмотрели на меня, и вскоре один за другим начали обнажаться, выставляя свои тела напоказ в этом просторном, ярко освещенном помещении прямо перед глазами двух свирепых врачей.

Последним штаны снял Цзян Сяо. Он не стал вешать их на вешалку, а небрежно бросил на пол у ног и принялся поддевать носком ботинка.

— Встать в ряд! — Но однокурсники, опустив головы, топтались на месте, никак не желая выстраиваться ровно. — Ты! И ты! — Врачи подошли к нам и, после пары толчков и тычков, мы наконец встали так, как их устраивало. Я украдкой посмотрел по сторонам. О боже! С чего это Цзян Сяо оказался справа от меня? Я не удержался и скосил глаза, разглядывая его с ног до

головы. Судя по линии подбородка, он голову не опускал, в отличие от остальных, чьи подбородки почти касались груди. Его взгляд, казалось, был устремлен куда-то в сторону — то ли он смотрел на что-то, то ли вообще ни на что не глядел. Уголки его губ были опущены, словно он заявлял врачам, что вся эта игра с раздеванием ему до лампочки. У него была на удивление статная шея, на которой покоился кулон-крестик, чей кончик ровно упирался в середину груди, где красовалась крошечная черная родинка. Его живот выглядел гладким, а под тонкой кожей проглядывали намеки на сильные мышцы. Его...

— Ха! — Я как раз собирался продолжить осмотр, как вдруг услышал ехидный смешок Цзян Сяо. Я вздрогнул и поспешно перевел взгляд с его живота на лицо. Боже! Он ведь смотрел прямо на меня!

— Завидуешь? Бедняжка, — бросил он, окинув меня оценивающим взглядом, а затем задрал подбородок и перестал обращать на меня внимание. Но я знал: он определенно насмехается.

— Руки в стороны! — Вперед! — Прыжок! — Присесть! — «Это что, медицинский осмотр? В университете уважаемого социалистического общества? Да это ничем не отличается от того, как рабовладельцы в Древнем Риме измывались над рабами! Но что поделать? Нынче ты — нож и доска, а я — рыба и мясо, остается лишь позволить себя кромсать!»

— Хорошо! Одевайтесь и идите в лабораторию сдавать кровь! — Стоило прозвучать приказу, как однокурсники тут же бросились к вешалкам, совсем не напоминая тех покорных людей, какими были минуту назад. Цзян Сяо и тут оказался последним. Я как раз зашнуровал ботинки и собирался выйти, когда он окликнул меня. Он не спеша надел трусы, брюки, рубашку, обулся, легко тряхнул волосами и, щелкнув пальцами, бросил:

— Пошли.

Стоило нам выйти за дверь, как Цзян Сяо разразился громким хохотом, словно сдерживался целую вечность.

— Мать твою! Дали себя облапать этим стариканам, никакой человечности! Почему нельзя было позвать парочку красоток?

— Закатайте рукав. — О господи! Что у нее в руках? Шприц! Я дрожащими руками закатывал рукав, не в силах отвести взгляд от острой иглы — чем больше мне хотелось не смотреть, тем сильнее тянуло взглянуть. — Врач... я... я... — Холодная острая боль пронзила руку, а сердце в груди болезненно сжалось.

«Боже! В шприце что-то ярко-красное, это моя кровь? Господи, зачем так много?» Пока я предавался панике, в груди внезапно стало тесно, дышать стало нечем, перед глазами поплыло, а в ушах зазвенело, словно застрекотали цикады.

Грудь будто готова была взорваться, перед глазами воцарилась тьма, стрекот цикад в ушах

внезапно стих...

— Мама... — прошептал я изо всех сил, прежде чем окончательно отгородиться от этого яркого и шумного мира.

<http://bllate.org/book/21943/2279733>